

бательных школ, 7 вузов (в том числе один университет) и 25 средних специальных учебных заведений, в которых обучается 350 тысяч школьников и 51 тысяча студентов. В Карагандинской области сейчас работает около 40 докторов наук и 640 кандидатов наук. Для сравнения скажем, что при организации Академии наук Казахской ССР (1946 г.) в ней было всего 389 научных работников с учеными степенями⁶.

При общей положительной оценке рецензируемого труда, нельзя обойти и некоторые его недостатки. Книга состоит из двух самостоятельных исследований, объединенных лишь общностью главной темы. С этим связаны повторы в обеих частях; их можно было бы избежать при другой структуре — органически единой монографии двух авторов. Это касается II главы первой части («Развитие социалистического сельского хозяйства и изменение быта казахского аула») и II главы второй части («Изменения в материальной культуре казахских рабочих»). К тому же при такой структуре создается искусственный разрыв материальной культуры рабочих и крестьян. Видимо, целесообразнее было бы включить в первую часть изложение истории материальной культуры казахских рабочих и крестьян до Октябрьской революции, а во вторую часть соответственно — в советский период.

Книга несколько перегружена фактическим материалом, историческими сведениями об отдельных колхозах и др. Местами излишне детально описаны производственные процессы.

Авторам следовало бы обосновать необходимость подробной характеристики в работе производственной (хозяйственной) деятельности, которую обычно не принято полностью включать в область материальной культуры (за исключением орудий труда, хозяйственных построек и др.). Следовало бы полнее отразить существенное влияние хозяйства и материальной культуры дореволюционного казахского аула на переселенческое русское и украинское население. В книге также недостаточно глубоко сопоставлена культура казахов с культурой и бытом узбеков и других народов Средней Азии; к сожалению, эта сфера взаимовлияний еще мало изучена.

Серьезным недостатком работы, впрочем зависевшим, видимо, не столько от авторов, сколько от издательства, является подача иллюстраций: фотографии, планы жилищ и пр., помещенные в конце книги, выполнены на плохой бумаге, не имеют нумерации; в тексте отсутствуют ссылки на них. Недооценка роли иллюстраций в труде, посвященном материальной культуре, особенно досадна и вызывает неудовлетворенность у читателя.

Наконец, следует пожелать авторам в дальнейшем, особенно при изучении проблем современного быта и культуры, пользоваться уже научно-обоснованными выборками объектов исследований, что очень важно в связи с обширностью территории и многонациональностью Казахской ССР. Есть возможность также обогатить методику изысканий опытом конкретных этно-социологических исследований, получающих все большее признание и распространение в нашей науке.

В. Я. Басин, Т. А. Жданко

⁶ «Казахстанская правда», 1972, 5 декабря.

Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, 208 стр.

Нельзя сказать, что этнонимика Северного Кавказа — густо населенной части «горы народов», «горы языков» (так называли Кавказ средневековые авторы) — прежде не привлекала внимания специалистов — этнографов, языковедов, археологов и др. Обширный ссылочный аппарат и пространный список использованной литературы на многих языках СССР и Западной Европы в книге Н. Г. Волковой дают ясное представление о том, сколь велико и разнообразно научное наследие предшественников автора, изучавших северокавказскую этнонимiku. Тем не менее, в ее труде впервые обобщены существующие данные не только по каждому из северокавказских народов в отдельности, но и по всему региону в целом. При этом прослеживается развитие этнонимов и племенных названий на протяжении почти двух тысячелетий.

Источниками для написания книги послужили архивные материалы как опубликованные так и найденные самим автором, картографические данные, а также полевые материалы, которые Н. Г. Волкова и ее коллеги собрали во время экспедиционных работ на Северном Кавказе. Автор не просто сводит воедино разрозненные и зачастую мало известные даже специалистам сведения, содержащиеся в античных, армянских, грузинских, арабских, персидских, русских и пр. письменных источниках, не только анализирует противоречивые взгляды своих предшественников, но и предлагает свое собственное и, как правило, весьма содержательное толкование вопросов этнического отождествления, локализации, происхождения и смысла длинного ряда северокавказских этнонимов и племенных названий. В книге очень ярко продемонстрированы возможности и достоинства основного метода исследования, присущего и другим работам Н. Г. Волковой: тщательное перекрестное сопоставление письменных, фольклорных,

языковедческих, топонимических, этнографических данных. Это, несомненно, помогает разобратся в сложной и запутанной системе северокавказской этнонимии, где одна и та же группа населения имеет несколько этнических имен. При этом дошедшие до нас источники показывают, что самоназвание народа было менее распространено по сравнению с названиями, которые давало ему соседнее население.

Закономерно особое внимание Н. Г. Волковой к развитию этнонимии, начиная с XVI в., когда активно формировались и завоевывали популярность и международное признание те названия северокавказских народов и этнических групп, которыми мы пользуемся и сейчас.

В первых четырех главах детально анализируется этнонимика *адыгов* (*черкесов, адыгейцев, кабардинцев*), *абазин, убыхов, ногайцев, карачаевцев* и *балкарцев, осетин*, т. е. практически всех народов, населяющих Северо-Западный и Центральный Кавказ, а также степное Предкавказье. Наряду с трактовкой ведущих и широко распространенных этнонимов, таких как черкесы, кабардинцы, абхазцы, балкары и т. п. интересно интерпретируются и вызывающие споры термины, например, *таты, тавкецы, туалы* и др.

Пятая глава (наиболее, на наш взгляд, оригинальная и составляющая почти половину всей работы) содержит разбор вайнахских (чеченских и ингушских) этнонимов и племенных названий.

В специальном параграфе Н. Г. Волкова обстоятельно рассматривает этнонимы I тыс. н. э., дошедшие до нас в сочинениях греческих, римских, армянских и грузинских авторов, сопоставляя их с вайнахским или протовайнахским этносом. Критически оценивая аргументацию своих предшественников, автор строит собственные интересные гипотезы по поводу таких названий, как *хони, сони, гелы* и *леги*. Автор сомневается, правомерно ли связывать с вайнахами или их предками древние этнонимы *хамекиты, исадики, соды, кусты, дурдзуки* и т. п. Это, вероятно, следствие малого числа источников, относящихся к I тыс. н. э., которые посвящены этим народам. Нам кажется, что в таких сомнениях, явно проскальзывает тенденция к отрицанию преемственности древних и современных этнических названий, поскольку эта связь не документирована совершенно бесспорными доводами (а это практически не возможно на заре письменной истории северокавказских народов). Такая позиция не представляет достаточно убедительной.

Н. Г. Волкова подчеркивает «отсутствие прямых сведений о языковой принадлежности», «об этнической принадлежности» носителей тех или иных древних этнонимов (стр. 124—127 и др.), что, по ее мнению, существенно мешает их отождествлению с позднейшими этносами. Думаю, что это суждение излишне категорично. Во-первых, и более поздние этнонимы (вплоть до XVI—XVII вв.) не всегда возможно соотносить с этносами. Во-вторых, сведения о хонах и сонах в период раннего средневековья, о киштах XIII в. и др. ничуть не более (даже менее) конкретны, но это не мешает автору «предположительно связать их с предками вайнахов» (стр. 218) или «достоверно сопоставлять с вайнахами», с дурдзуками IX—XI вв. и киштами XIII в. (стр. 140 и др.). и др.).

Таким образом соображения, высказанные в связи с древними вайнахскими этнонимами, еще раз показали дискуссионность этого научного вопроса.

Наиболее содержательны разделы о чеченских, ингушских, карабулакских и аккинских этнонимах. Н. Г. Волкова с присущей ей scrupulousness исследует и общие (собирательные) и племенные названия различных групп вайнахского населения, выясняет их смысл, происхождение, динамику распространения и территорию их бытования. В работе дан анализ нескольких десятков вайнахских этнонимов: это практически весь фонд, относящийся к XVI—XIX вв., которым располагает наука.

Однако и в этом разделе книги имеется ряд недостатков. Автор упускает важные сведения из некоторых работ С. Ф. Головачанского, Ю. С. Гаглойти, Е. И. Крупнова, С. Ц. Умарова, В. Б. Виноградова и Т. С. Магомадова¹ и др. Не полностью исчерпаны сведения, содержащиеся в источниках, например, об *аккисах* у Плиния Секунда. Автор считает, что наиболее раннее для русских источников употребление термина чеченцы относится к 1919 г. Между тем этот этноним упоминается уже в документах 1692 и 1708 гг. Толкование некоторых этнонимов дискуссионно и уже во всяком случае не так однозначно, как это делает автор. Спорна, например, интерпретация смысла терминов *караолканы, окуки, Мичикисская земля* и т. п.

Однако имеющиеся в книге недочеты и дискуссионность ряда положений не умаляют научного значения труда Н. Г. Волковой. Одним из важнейших достоинств ра-

¹ С. Ф. Головачанский, Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. «Зап. Терского о-ва любителей кавказской старины, Владикавказ, 1914; С. Ц. Умаров, Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии, «Археолого-этнографический сборник», вып. 2, Грозный, 1968, стр. 238—241; В. Б. Виноградов, Тайны минувших времен, М., 1966, стр. 31—37, 114—126; В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова, Один из северо-кавказских союзников Руси, «Вопросы истории», 1971, № 10, стр. 215—216 и др.; Ю. С. Гаглойти, Аланы и вопросы этногенеза осетин, Тбилиси, 1966, стр. 125—126; Е. И. Крупнов, О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1961, стр. 41—43.

бсты является комплексное исследование северокавказских народов, в глубокой взаимной связи, теснейших контактах. Автор прав, подчеркивая в конце книги, что «этнонимы и племенные названия нередко играют немалую роль в выяснении отдельных моментов этнической, а иногда и политической и социальной истории северокавказских народов» (стр. 177).

Хочется отметить, что исследование Н. Г. Волковой представляет большой интерес не только для этнографов, специалистов по Северному Кавказу, но и для историков, археологов, лингвистов. Оно будет очень полезно и учителям школ, студентам, краеведам.

«... Из тьмы веков, на мировом погосте звучат лишь письмена», — так сказал поэт. Письмена сохранили нам, в частности, и богатые сокровища этнонимии. Названия племен и народов в книге Н. Г. Волковой повествуют о былой их истории, которую можно воссоздать главным образом только благодаря тому интересу к предкам современных вайнахов, осетин, адыгов и других бесписьменных народов со стороны их соседей, обладающих письменной историей — грузин, армян и прежде всего — русских. Так, книга о древних и современных этнонимах помогает уяснить результаты историко-культурных взаимодействий между народами, без чего немислмо изучать историю Кавказа и его многонационального населения.

В. Б. Виноградов

Г. П. Снесарева. Под небом Хорезма. М., 1973, 160 стр.

Специалисты по этнографии народов Средней Азии хорошо знают, что до сих пор исследование традиционных культур этого региона затруднено недостатком фактического материала. Имеющаяся литература не отражает всего разнообразия этнографии края, где еще совсем недавно народы дробились на локальные и даже «племенные» группы, отличавшиеся друг от друга некоторыми обычаями, деталями одежды и жилища, говором, верованиями, а нередко и хозяйственными традициями. При этом степень изученности отдельных черт традиционной культуры неодинакова. Наименее исследованы религиозные верования всех среднеазиатских народов.

Книга Г. П. Снесаревой «Под небом Хорезма» содержит новые сведения о религиозных традициях узбеков, живущих на берегах Амударьи. Как и все предыдущие работы Г. П. Снесаревой, эта книга основана на полевых материалах автора, что придает ей особую ценность. В наши дни традиционная культура народов быстро исчезает, и этнография, до сих пор постоянно пополнявшая материалы о «живой старине» и создававшая свои собственные уникальные источники, весьма скоро этой возможностью лишится. Поэтому публикация новых сведений, полученных не из архивных документов и литературы, а в общении исследователя с населением, сейчас становится делом первостепенной важности. Книга Г. П. Снесаревой напоминает о том, что надо торопиться зафиксировать неизученные черты народного быта, ибо многие описанные автором обычаи уже безвозвратно ушли из жизни.

Наиболее насыщенной новыми данными представляется глава «У заглогошего очага», посвященная исследованию своеобразного ответвления среднеазиатского суфизма. Суфизм, в течение столетий порождавший многочисленные течения и сектантского типа общины, имел в разных районах «мусульманского мира» свои местные особенности, поэтому для изучения его в целом очень важны конкретные сведения о различных суфийских группах. Материалы, которые собрал Г. П. Снесарев о братстве дервишей-каляндаров Хорезма, дают достаточно полное представление об образе жизни этой замкнутой и экзотической корпорации, занимавшейся сбором подаяний. Необычайно интересны данные о быте дервишей, их организационной структуре и о культе очага в обители каландаров, который автор убедительно считает остатком древних доисламских верований...

В другой главе — «Вольнодумцы с развалин древнего Кята» автор рассказывает об иной группе объединенных религиозными убеждениями людей. Эта группа была очень мала, но само ее существование настолько поразительно, что известия о ней имеют огромное значение для правильного понимания процессов, свойственных среднеазиатскому исламу в конце XIX — начале XX в. Г. П. Снесареву удалось напасть на следы религиозного вольномыслия, сумевшего удержаться в Хорезме, несмотря на господство средневекового мусульманского фанатизма. Как доказывает автор, это вольномыслие берет свои истоки в учениях ранних рационалистических мусульманских сект, однако имеет и примесь элементов доисламской идеологии Хорезма, в частности зороастризма. Таким образом, Г. П. Снесарев нашел и проанализировал редчайшее свидетельство о древних традициях вольнодумства, сохранявшихся в народе еще в начале нашего века вне связи с суфизмом или мусульманским модернизмом.

Остальные пять глав своей основной проблематикой перекликаются с монографическим исследованием Г. П. Снесаревой «Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма» (М., 1969). В этих очерках мы встречаемся с архаическими образами анимистических воззрений — с великанами-дэвами — строителями лежащих